КИОТСКИЙ ПРОТОКОЛ: КЛИМАТ, ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ И БУДУЩЕЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Петр Казначеев,

Администрация Президента Российской Федерации

Доклад подготовлен для международной конференции «Либеральная программа для нового века: глобальный взгляд», организованной Институтом Катона (Cato Institute, США), Институтом экономического анализа (Россия) и Российским союзом промышленников и предпринимателей (работодателей).

8-9 апреля 2004. Москва

Чтобы провести анализ значения Киотского протокола не только для России, но и для любой другой страны мира, а также в глобальном масштабе, необходимо ответить на два вопроса. Я условно назвал бы их *вопрос о климате* и *вопрос о стоимости*. Всесторонняя оценка последствий вступления в силу Киотских ограничений должна в обязательном порядке включать ответы на оба этих вопроса. В данном докладе я коротко отвечу на эти вопросы, а также охарактеризую место Киотского протокла в общественном мнении и в современной системе международных институтов.

ВОПРОС О КЛИМАТЕ

Чтобы разобраться в проблеме изменения климата нужно – как и в любом другом вопросе – руководствоваться логикой и здравым смыслом. Без этого любые модели, математические выкладки и наблюдения становятся бессмысленными. Прежде чем рассуждать о том, происходит ли потепление, если да, то чем оно вызвано и какова роль парниковых газов, нужно ответить на вопрос, а чем, собственно, опасно повышение температуры на планете? Если рассматривать этот вопрос в исторической перспективе, то можно легко заметить, что человечество в ходе своего развития испытывало самые серьезные неприятности в те периоды, когда температура опускалась заметно ниже среднего уровня. Наиболее наглядный пример – это ледниковый период. И в древности, и в средние века, и в новое время периоды похолодания сопровождались эпидемиями, неурожаями, голодом и другими катаклизмами, уносившими жизни миллионов людей. Напротив, температурные оптимумы в истории человечества зачастую соответствовали эпохам бурного роста и экономического и культурного процветания.

Но предположим, согласившись с «алармистами», что резкое потепление на Земле приведет к ужасающим последствиям. В таком случае необходимо разобраться, в двух принципиальных вопросах: 1) **в какой степени потепление температуры является реальным и долгосрочным явлением** и 2) **можно ли считать его результатом антропогенного воздействия***?* Аргументы сторонников Киото до сих пор базируются на ставшем уже

легендарном докладе Climate Change Synthesis Report, подготовленном Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC). Именно выводы IPCC стали основой для выработки Киотского протокола и его рамочной конвенции, устанавливающей ограничения на выбросы углекислого газа. С момента опубликования IPCC Synthesis Report анализ климатологов из разных стран выявил многочисленные неточности и ошибки в выводах.

В частности, в основе выводов о глобальном потеплении в докладе IPCC лежит исследование Mann et. al. (1998)[1], в котором утверждается, что повышение температуры в северном полушарии в XX веке не имеет прецедентов в предшествующей истории человечества, начиная с XV века. Подробный анализ данных Mann et. al. привел к публикации опровержения выводов данного исследования. В прошлом году в журнале Energy&Environment была опубликована статья[2], в которой наглядно демонстрируется, что в XV веке средняя температура в северном полушарии поднималась выше, чем в XX веке. Очевидно, что потепление в средние века даже при всем богатстве воображения невозможно связать с ростом ремесленного производства и распространением гужевого транспорта.

Но для того, чтобы оценить неуникальность потепления во второй половине XX века вовсе необязательно дотошно пересчитывать температурные данные последних пяти веков. Слабость доводов сторонников Киото в том, что они искусственно укорачивают временной отрезок сравнения колебаний температуры на планете. Климатологам хорошо известно, что колебания температуры на поверхности Земли имеют циклический характер. Более холодные периоды сменялись более теплыми: так было на Земле всегда, и наш век не является исключением! В качестве иллюстрации можно взять периоды в сотни, тысячи, десятки и даже сотни тысяч лет. Элементарное сравнение температурных колебаний на разных временных отрезках показывает, что **нынешнее «глобальное потепление» не является ни уникальным, ни наиболее значительным в истории Земли**.

Если, следуя логике «алармистов», рассматривать потепление, наблюдаемое в XX веке как проблему, стоящую перед человечеством, то даже в этом случае обоснованность Киотских механизмов выглядит крайне сомнительной. Основной смысл протокола в попытке методами

надгосударственного регулирования ограничить эмиссию углекислого газа в атмосферу. При этом необходимо заметить, что никакого вреда человеческому здоровью, либо природе углекислый газ непосредственно не наносит.

Со школьной скамьи мы знаем, что углекислый газ является для растений в светлое время суток тем, чем для нас является кислород – жизненно важным дыхательным материалом. Все, в чем его обвиняют сторонники Киото – это, в якобы существующей взаимосвязи между эмиссией CO^2 и «глобальным потеплением». Но в том то и дело, что наличие такой связи является лишь *одной из гипотез*, объясняющих процессы изменения климата на планете. Существует масса других гипотез, включая вулканические, космические и т. д., которые защитниками Киото либо отвергаются, либо игнорируются. **Концентрация CO^2 в атмосфере не в состоянии объяснить процессов глобального изменения климата.** За полтора столетия положительная корреляция в изменении концентрации CO^2 и повышением температуры наблюдалась лишь в течение последней четверти века.

Но даже если условно согласиться со всеми аргументами сторонников Киото, приняв на веру тезис о разрушительном глобальном потеплении, связанном с эмиссией CO^2, то даже в этом случае у киотской программы отсутствует практический смысл. Ведь цель протокола – повлиять на антропогенную эмиссию. Но, хотя доля антропогенных выбросов CO^2 за последние 130 лет выросла, она по-прежнему составляет не более 8% общей эмиссии на планете. **То есть 92% выбросов углекислого вообще в принципе не будут затронуты Киото**.

При этом надо учесть, что удельный вес стран так называемого Приложения В Киотского протокола, ограничивающего выбросы CO^2, составляет на сегодня около 21% мировой антропогенной эмиссии (с Россией эта цифра составила бы около 28%). То есть реально механизмы Протокола смогут воздействовать менее чем на 2% всей эмиссии CO^2 в глобальном масштабе. А если учесть, что самые амбициозные планы по ограничению антропогенной эмиссии составляют 8% до 2012 года (цель, провозглашенная ЕвроСоюзом, но явно невыполнимая), то речь идет о столь малой величине, что можно смело утверждать: **никакого реального влияние на климат в**

планетарных масштабах Киотский протокол иметь не будет и иметь не может.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что Киотский протокол ненаучен, внутренне противоречив и изначально не в состоянии привести к достижению поставленных целей. Вместо тщательного анализа различных гипотез и их сопоставления **происходит тенденциозная манипуляция научными данными в угоду политических, идеологических и бюрократических интересов**.

ВОПРОС О СТОИМОСТИ

Сегодня на наших глазах предпринимается беспрецедентная попытка ввести действие программу глобального масштаба, которая не основана ни на научно проверенной информации, ни на здравом смысле. Какова же цена подобной затеи?

Этот важнейший вопрос выводит дискуссию о Киотском протоколе из сугубо научной и климатологической в практическую, экономическую плоскость. Действительно, если бы речь шла об идеологически мотивированном добровольном выборе отдельных индивидуумов или частных предприятий, то здесь не возникало бы дилеммы. Каждый, кто верит в необходимость ограничения эмиссии CO^2, накладывал бы на себя такие обязательства, не принуждая к этому других. Все убытки в таком случае понесли бы конкретные граждане, обеспокоенные «потеплением». Фирмы, озабоченные выполнением программы по ограничению эмиссии, понесли бы потери в конкурентоспособности. Но это были бы их частные издержки, основанные на частных убеждениях.

В ситуации с Киото мы, совершенно очевидно, имеем дело с грандиозным проектом, налагающим ограничения на экономическую активность в глобальном масштабе. Это очередной механизм, позволяющий государственным и надгосударственным структурам вмешиваться в деятельность экономических субъектов. Киотский протокол задуман как очередной план спасения Земли от глобальной угрозы «потепления». Но в

отличие от околонаучных и псевдонаучных страшилок, которыми изобиловала история Западной мысли (а разговоры о «потеплении» или «оледенении» ведутся уже не одно столетие), эта гипотеза будет снабжена механизмом принуждения и наказания несогласных. И все это немалое предприятие будет финансироваться на деньги налогоплательщиков. Поэтому, прежде, чем потратить часть национального благосостояния на реализацию сверхамбициозной программы, **граждане должны задать своим правительствам один простой вопрос: сколько это будет стоить?**

В ноябре прошлого года я выступал на форуме, организованном Международным советом по формированию капитала (ICCF) в Европейском Парламенте в Брюсселе совместно с организацией FORATOM и рядом европейских депутатов. Одной из основных задач форума была попытка дать ответ именно на этот самый вопрос: сколько будет стоить реализация обязательств, налагаемых Киотским протоколом? Выступающие (как сторонники, так и критики Киото) приводили разные подсчеты, основанные на разных методиках. Однозначного ответа на вопрос о стоимости Киото в виде единого цифрового значения процента ВВП не дал ни один выступающий. И это понятно: по сути дела, речь идет об авантюре с неизвестными последствиями. Точной ее стоимости не знает никто.

Но есть приблизительные подсчеты, которые дают представление о масштабах предполагаемых затрат. Ни один, даже самый консервативный подсчет не дает значения, меньшего 1% ВВП. Такие цифры используют в своих доводах некоторые особо убежденные энтузиасты Киото. Другие сторонники Киото дают более реалистичные оценки стоимости протокола: они находятся в промежутке от 1 до 2% ВВП. А независимые экономисты называют еще более впечатляющие цифры: от 2 до 4 и более процентов ВВП. Масштабов затрат не скрывают и авторы Киотского протокола: в материалах IPCC можно найти своего рода бизнес-план по борьбе с «глобальным потеплением», финансовые аппетиты которого поистине впечатляют!

Опять-таки сами авторы и защитники протокола не скрывают того факта, что его реализация не может не повлиять на темпы экономического роста. Ведь протокол, основная его цель состоит в том, чтобы ограничить эмиссию CO^2, которая, в свою очередь, является преимущественно результатом

использования углеводородного топлива. Но энергопотребление человечества, если рассматривать его по источникам энергии, на 81% состоит именно из углеводородов. И в обозримом будущем углеводородное топливо будет по-прежнему играть ведущую роль в энергетической структуре стран мира. Попытка форсированными темпами изменить эту структуру – не только технологическая иллюзия, но и колоссальная нагрузка на экономический рост.

Если задуматься, то даже всего 1% ВВП затрат на Киото (результат самого консервативного подсчета) для любого государства или группы государств (ЕвроСоюз) – это колоссальный сдерживающий фактор в экономическом развитии. Это особенно актуально для стран-членов ЕС, уже испытывающих серьезное замедление темпов экономического роста. Не удивительно поэтому, что все **больше и больше политиков, бизнесменов и простых граждан в Европе начинает понимать непомерность (а вместе с тем и бессмысленность) того перераспределения ресурсов, которое происходит в попытке добиться невозможного**.

Неудивительно, что в странах, уже подписавших протокол, либо в странах-кандидатах, которые подвергаются активному давлению со стороны правительств Европы, Японии и Канады (сегодня их усилия сосредоточены на России, в руках которой находится ключ от Киото), все слышнее голоса тех, кто задает вопрос о справедливости распределения нагрузки при реализации Киотского протокола. Поскольку мы имеем дело с климатом, то каково бы ни было влияние эмиссии углекислого газа на температуру, его выбросы отдельно взятым государством-эмитентом влияют не только на само государство-эмитент, но равно распределяются на жителей всей планеты, так как распределение парниковых газов не знает национальных границ. Так как ограничения по эмиссии (Приложение В протокола) берут на себя сегодня страны, составляющие меньшинство как по доли в глобальной эмиссии (причем доля этого меньшинства в мировой эмиссии стремительно падает), так и по размеру экономики и народонаселения, складывается очевидно дискриминационная ситуация. **Меньшинство населения земли берет на себя расходы по ограничению CO^2 в глобальном масштабе, оплачивая этот грандиозный проект, не имеющий к тому же никакого практического**

обоснования. А большинство на планете, между тем, никакого участия в реализации проекта по «спасению человечества» не принимает.

В этой ситуации положение таких стран, как Россия выглядит ущемленным вдвойне или даже втройне. Ведь и по эмиссии CO^2 на душу населения и по эмиссии на доллар ВВП Россия сегодня уступает как большинству стран Приложения В, так и тех, кто на себя никаких ограничений не взял. При этом разработчики протокола рассматривали исключительно уровни и вклад стран в мировую эмиссии углекислого газа. Они вообще проигнорировали столь немаловажный показатель, как абсорбция CO^2. Ведь леса и водоемы поглощают углекислый газ. И **справедливым было бы ограничивать эмиссию, пропорционально тому, каков вклад той или иной страны в естественное поглощение мирового CO^2**. Если посмотреть на эти цифры, то получается, что уровни эмиссии Японии примерно в 3 три раза превосходит уровень абсорбции, в странах ЕС эмиссия превосходит абсорбцию в 1,7 раза, в США эти показатели примерно равны, а вот Россия абсорбирует на 22% больше CO^2, чем выбрасывает в атмосферу. Австралия, Китай, Индия и Канада также являются нетто-абсорбентами углекислого газа.

Все обещания больших прибылей за счет торговли квотами на эмиссию также оказываются фикцией. Элементарный подсчет показывает, что даже, согласно самому консервативному сценарию экономического роста, Россия выйдет на уровень эмиссии 1990 года (принятый за точку отсчета в протоколе) даже до окончания первой фазы Киото – до 2012 года. То есть **в ближайшие годы Россия превратится из продавца в покупателя квот**.

Сегодня Россию пытаются уговорить взять на себя необоснованные с научной и практической точки зрения обязательства, распределение которых к тому же абсолютно несправедливо, а обещанные прибыли даже в краткосрочной перспективе – фиктивны. Какой должна быть прагматичная реакция на такое предложение? Ответ напрашивается сам собой.

КИОТО И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Споры вокруг Киотского протокола велись с момента возникновения самой идеи установления наднационального регулирования с целью остановить так называемое «глобальное потепление». Несмотря на желание сторонников Киото представить дело таким образом, будто существует или существовал некий консенсус относительно необходимости принятия мер по ограничению эмиссии углекислого газа, ни в научных кругах, ни в общественном мнении такого консенсуса никогда не было. Более того, сами последователи идеи, которую я называю «климатическим алармизмом», вовсе не всегда придерживались нынешней точки зрения. Те, кто сегодня так обеспокоен угрозой потепления климата на планете, всего четверть века назад опасались прямо противоположного: глобального похолодания и наступления нового ледникового периода.

Мои оппоненты всегда испытывают явный дискомфорт, когда я напоминаю им о работах именитых климатологов, получивших широкое распространение в середине семидесятых годов XX века. В 1976 Понте опубликовал книгу с характерным названием «The Cooling» - «Похолодание»[3]. Другой ученый, Штефан Шнайдер повторил его тезисы об угрозе резкого снижения температуры Земли в своей книге «Стратегия генезиса»[4], опубликованной в том же году. Последний является сегодня одним из наиболее заметных активистов движения против… «глобального потепления»! Науке о климате известно, что история температуры земной поверхности развивается в виде циклов. Длина одного такого цикла составляет приблизительно 100 тысяч лет. Не в пример климату, перепады мнений в головах «алармистов» описываются значительно более короткими промежутками времени. Остается только удивляться, как настолько диаметрально противоположные идеи могут с поразительной легкостью сменять друг друга в такие короткие промежутки времени, да еще и в умах одних и тех же людей!

И все же, несмотря на непостоянство суждений о климате, с начала девяностых и до самого недавнего времени можно было наблюдать своего рода «свыкание» общественного сознания с идеей об угрозе «глобального потепления». В наше время у всякой идеи есть как бы две жизни: одна в среде

экспертов, ученых, людей узкой специализации, а другая на уровне отражения идей в медиа-пространстве, в среде электронных коммуникаций и массовой культуры. И если на первом уровне никогда не прекращались споры по поводу актуальности и полезности Киотского протокола, то на уровне массового сознания сторонникам Киото в какой-то момент удалось создать пугающий образ глобального потепления, с арктическими льдами, затопляющими города и села Европы, океанами и морями, выходящими из берегов и прочими неприятными картинами будущего. И произошло это вовсе не из-за того, что идеи, лежащие в основе Киотского протокола, оказались особо убедительными или не встретили никакой критики. Просто в какой-то момент сработал эффект многократного повторения, когда критическая масса пугающей информации о «глобальном потеплении» переросла в уверенность на уровне массового сознания. Киотский протокол стали, что называется, принимать на веру.

Меня поразило, что в разговорах с опытными либеральными политиками и искушенными экономистами-рыночниками, мне и моим коллегам не раз приходилось сталкиваться с равнодушным отношением к вопросу Киото. Некоторые из них даже брались защищать протокол на том основании, что надо же «хоть что-то делать для предотвращения потепления». При этом чаще всего они ссылались на сведения, почерпнутые ими за последнее время из газет и телевидения. Я уверен, что, помимо эффекта многократного повторения, усиленного сверхсильным эффектом масс-медиа, в случае с Киотским протоколом сила его убеждения кроется еще и в его непонятности.

Климатология – наука очень специальная. Разобраться в хитросплетениях климатических трендов зачастую не под силу самим ученым. Что уж говорить о тех, кто следит за климатом исключительно по прогнозам погоды в вечернем выпуске новостей! И в этом заключается, так сказать, спецэффект Киото: проблемы климата, жары и холода, дождя и снега за окном касаются каждого из нас. Нам интересно, каков будет климат через год, пять, десять, двадцать лет, но у большинства из нас нет ни времени, ни возможности, ни специальных знаний, чтобы анализировать эти явления самостоятельно. Надо заметить, что спекуляции по поводу глобального потепления или похолодания овладевали общественной дискуссией и раньше: споры на эти темы велись еще в XIX веке.

Сторонники Киото сыграли на общественном интересе к вопросу климата и на недостаточной информированности людей о научной стороне данной проблемы. Но такая ситуация не могла продолжаться вечно. В противовес критической массе публикаций и репортажей о «глобальном потеплении» стала формироваться подобная ей масса критики Киотского протокола как научно необоснованного, неэффективного и требующего непомерных расходов для его реализации. По моим наблюдениям, перелом в этой дискуссии произошел полгода назад. В конце сентября – начале октября прошлого года в Москве прошла Всемирная конференция по изменению климата, в которой приняли участие представители более 100 стран мира. Сторонники Киото рассчитывали получить серьезную поддержку своим планам, и тем самым повлиять на решение России относительно ратификации протокола. Но произошло нечто неожиданное. На глазах у прессы и широкой общественности на поверхность вышел тот раскол научного и экспертного сообщества, который долгое время оставался исключительно его внутренним делом.

Текст протокола был составлен таким образом, что он вступает в силу только после того, как будет ратифицирован странами, эмитирующими 55% от общемировой эмиссии углекислого газа. После отказа от ратификации Киотского протокола США и Австралией он может вступить в действие только при условии его ратификации Россией. Вопреки ожиданиям «алармистов», эта ситуация заставила многих в России усомниться в обоснованности протокола и эффективности предлагаемых им механизмов. Прошлогодняя конференция позволила заострить внимание общества на той дискуссии, которая до недавнего времени велась преимущественно между экспертами и учеными.

Выступая на Всемирной конференции по изменению климата в Москве, Президент Путин заявил, что вопрос о ратификации протокола Россией будет отложен до тех пор, пока не будет дана всесторонняя оценка его последствий. Эта – для многих неожиданная – позиция России вызвала цепную реакцию в виде дискуссии, захлестнувшей мировое сообщество и мировую прессу. Это, в свою очередь, привело к тому, что из области веры или неверия в Киотский протокол, в которой дискуссия находилась до этого, спор об

изменении климата перешел в сферу научных и экономических аргументов, что, по-моему, само по себе является шагом в правильном направлении.

ГЛЯДЯ В БУДУЩЕЕ

Здесь самое время задать классический вопрос: кому выгодно? И в правду, кому может быть выгодно тратить столь значительные средства на осуществление утопического проекта, деньги от которого в буквальном смысле тратятся на воздух? В отличие от традиционных лоббистских схем национального уровня, Киотский протокол представляет собой нетрадиционную, неклассическую структуру перераспределения и регулирования, которая достаточно сильно отличается от того, с чем нам до сих пор приходилось сталкиваться.

Дипак Лал в своем докладе сегодня дал блестящий анализ того, в каком направлении движутся международные организации, и каковы контуры наднационального регулирования будущего. Он очень наглядно обрисовал то, как должны развиваться межгосударственные институты, чтобы вместо дополнительной экономической интервенции и регулирования содействовать экономическому развитию в подлинном смысле этого слова. В идеальном мире будущего большинства из этих организаций просто не должно существовать. Но, как мы все прекрасно знаем, у любой бюрократической структуры, в том числе и международной, есть своя собственная логика. И эта логика неумолимо диктует совершенно иную линию поведения. В интересах всякой бюрократической структуры – сохранение и преумножение собственного влияния, а также разрастание и освоение все новых сфер регулирования.

Феномен Киото я склонен рассматривать именно в этом ключе. По своей сути, **Киотский протокол – это приспособленческая реакция международной бюрократии на изменившиеся и меняющиеся условия нового мирового порядка.** Это защитный маневр, осуществляемый с целью освоения новых сфер влияния в эпоху глобализации, в эпоху, когда старые сферы влияния и старые методы оказываются под угрозой.

И здесь я еще раз хотел бы сослаться на Дипака Лала, одна из публикаций которого в *Cato Journal* посвящена вопросу видоизменения характера экономического регулирования в наше время. В своей статье «От экономического планирования к регулированию: по пути нового дирижизма»[5] он пишет: «Дирижистский импульс претерпел трансформацию: от экономического планирования, целью которого было подавить механизм свободного ценообразования, к регулированию, которое направлено на его замещение». Вместе с поражением советской экономики, которая не выдержала гонки на выживание с капиталистической системой, почти повсеместно ушли в прошлое старые методы дирижизма. Но уход от плановой экономики не означает уходя от дирижизма.

Созданная после Второй мировой войны Бреттонвудская система международных финансовых и экономических организаций за полвека видоизменилась до такой степени, что стала сама в некоторых своих очертаниях напоминать Госплан. Экономический интервенционизм под флагом помощи развитию и накачка дешевыми деньгами коррумпированных правительств в обмен на неисполнимые обязательства – все это привело к тому, что неэффективность существующей ныне системы международных экономических институтов становится очевидной для все большего количества людей как в северном, так и в южном полушариях. Для людей, находящихся внутри этой системы – для международных чиновников – это означает, что вполне возможно им очень скоро придется задуматься о новом применении своей неуемной энергии.

Следуя этой логике, **можно охарактеризовать проект Киото как попытку создания системы «нео-дирижизма». Киотский протокол является пробным камнем нового, «постмодеррного» типа международного экономического регулирования в эпоху, когда старые способы регулирования теряют свою актуальность и оказываются неэффективными.**

Если это и есть контуры будущей системы международных экономических институтов, то это направление вселяет серьезные опасения. Помимо активно регулятивного и интервенционистского характера, эта система располагает отличной питательной средой для чиновников, ей управляющих.

По сути, Киотский протокол – это большое коммерческое предприятие, в котором оборотными средствами служит благосостояние стран его ратифицировавших. Кроме того, новой чертой является его ярко выраженный идеологический характер. В этом смысле он наследует, скорее, не Бреттонвудским институтам и не современной системе, а той, что ей предшествовала во время «холодной войны»: она называлась Сообществом экономической взаимопомощи (СЭВ) и объединяло страны на основе социалистической модели экономического устройства. Сегодня поменялся оттенок – с красного на зеленый – но по сути история идет по второму кругу.

Здесь я хотел бы оговориться: Киото - это именно пробный камень, попытка определить контуры новой системы и задать ей определенное направление. Это не значит, что международная экономическая структура будущего будет представлять один большой Киотский протокол. Если бы это было так, то наше собрание сегодня можно было бы не собирать вовсе, либо устроить небольшую поминальную встречу по мировому либерализму.

Я все же смотрю в будущее со сдержанным оптимизмом. Вопрос о контурах и содержательном наполнении будущей системы остается открытым вопросом. Рассмотренные в этом докладе два ключевых вопроса Киотского протокола – о его влиянии на процессы изменения климата и о цене его реализации – приводят нас к вполне очевидным выводам о его научной необоснованности, неэффективности, несправедливости в распределении нагрузки и отрицательном влиянии на экономический рост. Продемонстрировать это как можно большему числу людей в наших странах – это и есть первый шаг на пути недопущения «киотизации» международной системы.

Мой оптимизм дополняется тем, что в России общественное мнение сформировалось таким образом, что вопрос о ратификации протокола был отложен. Прецедент создан, а это значит, что место Бреттонвуда вовсе не обязательно займет Киото.

Автор выражает благодарность Институту экономического анализа за предоставленные материалы

[1] Mann et. al., *Proxy Data Base and Northern Hemispheric Average Temperature Series*, 1998

[2] McIntyre, S., McKitrick, R., *Corrections to the Mann et. al., Proxy Data Base and Northern Hemispheric Average Temperature Series,* Energy&Environment. Volume 14, November 6, 2003.

[3] Ponte, *The Cooling*, 1976

[4] Schneider, *The Genesis Strategy*, 1976

[5] Deepak Lal, *From Planning to Regulation: Toward a New Dirigisme*, The Cato Journal, Vol. 17, No. 2